

В меру национально-прогрессивного значения абсолютной монархии поклонниками «Аргениды» могли быть такие люди, как Ломоносов («Риторика», 1748, § 151) и Тредиаковский, перевод «Аргениды» которого (совершенно еще не освещенный научно) менее всего был случайным явлением и в развитии Тредиаковского, и в истории русской литературы 1750-х гг. Но «Аргенида» представляла и самую настоящую героизацию сервиллизма. «Никопомп был человек, с детства преданный наукам, но он презрел прилежание одним книгам. Юношей он покинул профессоров и стал искать знания во дворцах князей и королей, единственной истинной и свободной школе» («Аргенида», I, 15). Ренегат науки — герой абсолютистской интеллигенции!

Барклай был, следовательно, учителем поведения и для тех немцев, талантливых ничтожеств, литературная система которых нами сейчас исследуется ради того, что тень ее стояла над колыбелью русского классицизма. Впрочем, не дожидаясь Барклая, поэтом, жившим по той же морали сервиллизма, был уже Малерб.

На преувеличение роли Грасиана (и на некоторые другие частные ошибки) было сразу указано Боринскому современной ему немецкой наукой, но, конечно, неуказанной осталась тогда главная ошибка всего его построения, восходящая к его, так сказать, идеалистической социологии. Боринский сводит весь процесс к смене «гуманиста» «политиком». Но реальное содержание «политика» — это интеллигент (преимущественно бюргерский, очень часто плебейский), специализировавшийся в обслуживании дворянской монархии и даже в создании ее ведущих стилей. Не расчленил Боринский и персонал своих «политиков». Буало, Лейбниц, Ломоносов были люди высоко принципиальные и политически не развращенные. Их связь с абсолютизмом была не виной, не результатом личной коррумпированности, а судьбой; они делили дореволюционную судьбу бюргерской и национальной учености. Как можно сливать с ними в общую группу «политиков» малопринципиальных Нейкирхов или таких откровенных, вульгарных карьеристов, как Бессер, Кениг и Юнкер?

Именно специалистами не только поэзии, но и карьеризма Юнкер и Штелин из Саксонии приехали в Петербург. Оставалось только найти петербургские бытовые формы для жизненного поведения, рекомендованного Барклаем (из соображений национально-политических) и узаконенного (из соображений сервиллистских) столетней практикой немецких университетов.

Нетрудно было найти петербургские формы и для усвоенных еще на родине литературных принципов школы разума. Здесь надо было, скорее, разгружать, выбрасывать, чем изобретать. Отпадала, например, промоционная ода (т. е. ода на получение ученой степени), типичный плод немецкой обстановки (сколько таких од у одного Гюнтера!). Отпадала ода на бракосочетание важных (но не коронованных) персон, эпиталамическая, как ее называли в Германии, где она производилась в количестве, маловероятном для всякого, кому не приходилось перелистывать сти-